

В. Г. БЕЛИНСКИЙ В РАБОТЕ НАД ТЕКСТАМИ ПУШКИНА

Публикация Н. И. Мордовченко.

В 1841 г., когда вышли в свет последние три тома первого посмертного собрания сочинений Пушкина, Белинский в своей рецензии на эти три тома писал: «Наконец издание полного собрания сочинений Пушкина кончено, или, по крайней мере, почти кончено: остаются только материалы для истории Петра Великого, несколько литературных статей и несколько мало-известных стихотворений, рассеянных по альманахам и журналам. Материалы для истории Петра Великого, долженствующие составить собою целый том (XII-й) и интересные сколько в историческом смысле, столько и по заметкам руки Пушкина, хоть, может быть, еще и не скоро, но когда-нибудь будут же, бог-даст, изданы попечительною опекою; что же до литературных статей и до мало-известных стихотворений, невошедших в *одинадцатитомное* издание полного собрания сочинений Пушкина, — их берутся вторично представить вниманию публики «Отечественные Записки», — чтоб будущие издатели, или (что было бы лучше для сочинений Пушкина, во избежание поговорок: *у семи нянек дитя без глаза*) будущий издатель знал, где взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вместе собранное».¹

В той же рецензии Белинский, во-первых, приводил полностью два стихотворения Пушкина, не вошедшие в первое посмертное издание его сочинений («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» и «Признание»), а также романс Лауры, вовсе ненапечатанный до 1841 г.; во-вторых, давал перечень целого ряда прозаических и критических произведений Пушкина, также не вошедших в посмертное издание.

Даже беглое ознакомление с рецензией Белинского на последние три тома сочинений Пушкина, изд. 1841 г., должно убеждать нас в том, что Белинский сам или с помощью своих сотрудников проделал большую работу по пересмотру многих старых журналов и альманахов с целью обнаружения в них произведений Пушкина.

Остается неизвестным, почему же не осуществилась обещанная Белинским публикация пушкинских текстов на страницах «Отечественных

Записок». Можно думать, что серьезную роль сыграли здесь препятствия цензурно-полицейского порядка, ибо мы знаем ведь, что в цитированной рецензии Белинского цензура не пропустила даже заглавия известного пушкинского памфлета «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», напечатанного в «Телескопе» 1831 г. 3 августа 1841 г. Белинский писал Н. Х. Кетчеру: «Цензура не пропустила в моей статье о Пушкине заглавие пушкинской статьи „О мизинце г. Булгарина и о прочем“. Боясь доносов Погодина и Шевырева, цензор не хочет пропустить ни слова против „Москвитянина“. Аллилуйя! душа моя, отслужи за меня молебен Иверской — хочу покаяться и пуститься в доносы».²

Если в 1841 г. невозможно было провести в печати даже заглавия пушкинской статьи, то, разумеется, не могло быть, конечно, и речи о публикации этой и некоторых других статей Пушкина на страницах «Отечественных Записок». Однако были, вероятно, и другие мотивы, заставившие Белинского задержать обещанную публикацию, а впоследствии и отказаться от нее.

В 1841—1843 гг. Белинский еще ждал, что появится в свет новый (двенадцатый) том посмертного издания сочинений Пушкина. Вот что писал Белинский в связи с общей оценкой всех вышедших за четыре года (1838—1841) томов этого издания: «Всем известно, что восемь томов сочинений Пушкина изданы, после смерти его, весьма небрежно во всех отношениях — и типографском (плохая бумага, некрасивый шрифт, опечатки, а инде и искаженный смысл стихов), и редакционном (пьесы расположены не в хронологическом порядке, по времени их появления из-под пера автора, а по родам, изобретенным бог знает чьим досужеством). Но что всего хуже в этом издании — это его неполнота: пропущены пьесы, помещенные самим автором в четырехтомном собрании его сочинений, не говоря уже о пьесах, напечатанных в „Современнике“ и при жизни и после смерти Пушкина. Последние три тома сделаны компаниею издателей-книгопродавцов, которые, что могли сделать, как изда-

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Ред. Н. И. Мордовченко. Л., 1937, стр. 598—599. Все дальнейшие цитаты — по этому изданию.

² Белинский. Письма, т. II, стр. 258.

тели, сделали хорошо, т. е. издали эти три тома красиво и опрятно, но так же неполно, как были изданы (не ими, впрочем) первые восемь томов. Справедливый ропот публики, которая, заплатя за одиннадцать томов сочинений Пушкина *шестьдесят пять* рублей асс. (сумму, довольно значительную, и для книги, хорошо и полно изданной), все-таки не имела в руках полного собрания сочинений Пушкина, — этот ропот, соединенный с столь же дурным расходом трех последних, как и восьми первых томов, и справедливое негодование некоторых журналистов на такое оскорбление тени великого поэта: все это побудило издателей трех остальных томов сочинений Пушкина *обещать* отдельное дополнение к ним, в котором публика могла бы найти решительно все, что написано Пушкиным и что не вошло в одиннадцать томов *полного* собрания его сочинений. А пропущено так много, что из дополнения вышел бы целый том, — и тогда полное собрание сочинений Пушкина состояло бы *пока* из *двенадцати* томов. Говорим — *пока*: ибо в рукописи остаются еще материалы к истории Петра Великого, предпринятой Пушкиным. Говорят, что этих материалов стало бы на добрый том, и только одному богу известно, когда русская публика дождется этого тома... Итак *пока* хорошо было бы дожидаться хоть дополнения-то, обещанного издателями трех последних томов. О нем много толковали, и мы даже видели опыты приготовления к этому делу, которое интересовало нас еще и как удобный предлог к началу обещанной нами статьи о Пушкине. Но время шло, а вожделенное дополнение не являлось, и мы, право, не знаем, явится ли оно, когда нибудь; если же и явится, то не потребует ли еще другого дополнения?..» (Стр. 3—4).

Долгожданный Белинским двенадцатый дополнительный том первого посмертного издания сочинений Пушкина так и не появился в свет. Пушкинские материалы к «Истории Петра Великого», которые особенно интересовали Белинского, только теперь, в советское время, готовятся к печати для академического издания Пушкина. Что касается до дополнений к первому посмертному изданию, то Белинский не рассказывал нам о том, что он сам вел работу по разысканию и собиранию этих дополнений, и только часть этой работы была отражена в цитированной выше рецензии 1841 г. Ряд произведений Пушкина Белинский отыскал в старых журналах и альманахах, но они оказались включенными в собрание сочинений поэта только через много лет, в 1855 г., а роль Белинского как собирателя пушкинских текстов осталась и вовсе неизвестной.

В архиве П. В. Анненкова, хранящемся в Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, имеется рукописная тетрадь *in folio*, содержащая в себе стихотворения и статьи А. С. Пушкина и приписываемые ему. На первой же странице тетради неизвестным почерком сделано заглавие: «Выписка сочинений Пушкина, в полном собрании не помещенных». Далее, тем же неизвестным нам почерком переписан ряд стихотворений Пушкина, не вошедших в первое посмертное издание его сочинений: «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу», «Признание» (К Ал. Ив. О—й), «Романс Лауры» и т. д.

Следует обратить внимание на то, что именно эти три стихотворения, которыми начинается тетрадь, как не вошедшие в издание 1838—1841 гг., приводил в цитированной выше рецензии и Белинский. На стр. 39—45 той же тетради мы находим стихотворения Пушкина, записанные самим Белинским.

Учитывая наличность автографа Белинского, представляется несомненным, что тетрадь заполнялась в редакции «Отечественных Записок», а работа по разысканию и собиранию пушкинских текстов велась Белинским с помощью неизвестных нам сотрудников. Точная датировка времени заполнения тетради не поддается определению, но очевидно, что это было в самом начале 40-х годов, когда еще ожидался в свет выпуск двенадцатого дополнительного тома издания сочинений Пушкина. От Белинского и его сотрудников тетрадь, вероятно, поступила в редакцию собрания сочинений Пушкина. Об этом свидетельствуют пометки в тетради, сделанные рукою кн. П. А. Вяземского и касающиеся тех произведений, которые составителями тетради были ошибочно приписаны Пушкину. Так, например, запись стихотворения «На смерть князя М. Л. Голенщикова-Кутузова-Смоленского» сопровождается пометкой Вяземского: «Это стихи Алексея Михайловича Пушкина». Очень любопытны пометки Вяземского, касающиеся авторства критических и полемических статей, выпущенных в тетради из «Литературной гаветы». Составителями тетради Пушкину был приписан ряд статей, автором которых, как оказалось, был сам П. А. Вяземский.

Поскольку двенадцатый дополнительный том издания сочинений Пушкина был неосуществлен, постольку и тетрадь с записями текстов Пушкина была неиспользована. Пролежав, вероятно, много лет, от П. А. Вяземского она перешла к П. В. Анненкову, пока последний не использовал ее в своей работе над подготовкой нового собрания сочинений Пушкина.

Остановимся же на тех записях тетради, которые сделаны Белинским.

Рукою Белинского переписаны следующие стихотворения, не вошедшие в первое посмертное издание сочинений Пушкина:

1. «К Горчакову» («Питомец мод, большого света друг»). Только в 1855 г. стихотворение было включено П. В. Анненковым с собрание сочинений Пушкина. Белинский переписал стихотворение по неизвестному нам списку, причем текст стихотворения в записи Белинского лучше и точнее текста анненковского издания.

2—3. «Эпиграммы»: I. «Послушайте! Я сказку вам начну» и II. «Не то беда, что ты полян». Текст первой эпиграммы переписан Белинским полностью; из второй эпиграммы — выписана только начальная строка. Белинский пользовался неизвестным нам списком эпиграмм или, может быть, воспроизводил их по памяти. П. В. Анненковым в собрание сочинений Пушкина была включена только первая эпиграмма.

4. «Императрице Елизавете Алексеевне» («На лире скромной, благородной»). Белинский пользовался не журнальной публикацией данного стихотворения («Соревнователь просвещения и благотворения», 1819, кн. 10), а неизвестным нам списком. В собрание сочинений Пушкина стихотворение введено было впервые П. В. Анненковым, причем цензурой была извращена седьмая строка: вместо «Я не рожден царей забавить» было напечатано «Я не рожден людей забавить». В записи Белинского текст седьмой строки правильный.

5. «К Орлову» («О, ты, который сочетал»). В сокращении и по испорченному тексту стихотворение было напечатано еще при жизни Пушкина под заглавием: «К ***, отсоветовавшему мне вступить в военную службу» — в альманахе М. А. Бестужева-Рюмина «Северная Звезда на 1829 г.». По тексту «Северной Звезды» стихотворение было перепечатано и в анненковском издании сочинений Пушкина. В записи Белинского несравненно более полный и точный текст, приближающийся к тексту, известному нам сейчас по рукописи Пушкина.

6. «Блажен, кто принял от рожденья». Стихотворение ошибочно приписано Белинским Пушкину. Поскольку нам неизвестен ни автор данного стихотворения, ни источник записи Белинского — приводим стихотворение полностью:

Блажен, кто принял от рожденья
Печать священную Харит,
В ком есть порывы вдохновенья,
В ком огонь поэзии горит!
Он стройной арфе поверяет
Богинь заветные мечты,
И жизни лучшие цветы
В венок свой гордо заплетает...
Блаженней тот, кто посвящал

Певцам великим дни досуга,
Кто жар к высокому питал,
Но снисходительного друга
Своим стихом не искушал.

1827.

А. П.

7. «О ты, которая из детства». Стихотворение ошибочно приписано Белинским Пушкину и отнесено к лицейскому периоду (после записи стихотворения помета Белинского «Из лицейских стихотв.»). Под заглавием «Элегия» и за подписью «Ап» данное стихотворение было напечатано в альманахе «Северная Звезда на 1829 г.», откуда его и выписал Белинский. Вслед за Белинским Пушкину приписал это стихотворение и Анненков, включивший его в собрание сочинений Пушкина. На самом деле стихотворение принадлежит П. А. Вяземскому (см. «Мнимый Пушкин в стихах»..., СПб., 1903, стр. 41).

Вслед за стихотворением «О ты, которая из детства» Белинский сделал библиографическую ссылку: «Северная Звезда, стр. 305». Данная ссылка относится, вероятно, к «Северной Звезде на 1829 г.». На стр. 305 этого альманаха напечатано послание Пушкина «К Ю<рьеву>» («Любимец ветреных Лаис»). Белинский не выписал послания в тетрадь, вероятно, потому, что оно было уже напечатано в девятом томе первого посмертного издания сочинений Пушкина.

8. К NN («Любви, надежды, тихой славы»). Знаменитое пушкинское послание, обращенное к П. Я. Чаадаеву, при жизни Пушкина полностью не печаталось. Сокращенный и испорченный текст, с вытравлением всех агитационно-политических строк и без упоминания адресата послания, был опубликован в «Северной Звезде на 1829 г.» и перепечатан затем Анненковым. Запись Белинского сделана также по тексту «Северной Звезды». Однако бесспорно, что Белинский знал послание именно как агитационно-политическое стихотворение. В тексте «Северной Звезды» вместо строк

Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой —

было напечатано:

Мы ждем с томленьем упованья
Подруги сердцу дорогой.

В записи Белинского последняя строка заменена многоточием, что свидетельствует о том, что он эту строку знал. В «Северной Звезде» послание обрывается строкой «Души прекрасные порывы»; последующие строки («Товарищ, верь: ввойдет она» и пр.) отсутствуют. В записи Белин-

Будущее поэта.

(из переписки с А. С.)

Здравствуй, мой друг! — О не в миге забуду,
Об любви, о надежде, о великом свете;
Тебя люблю, — одна лишь душа,
И любовь, и дружба — единство!

(Св. Пётр.)

К * * * * *

Всё прошедшее прош, а твой уединённый,
Минуте ступай в минуту нашу нежность!
Ангельской любви, любви брате,
Друже и любви соседней нежность!
Иногда, от прощанья — много седых волос,
Иногда, друг мой — наша дружба, светлая,
Прости!... Дарю тебе тайные надежды,
Не забудайся, мой друг,
Об будущем, дружелюбие не забудай;
Дни любви — неодолимы —
Любовь надежд, восторгая, прощанья;
И дни твои — пометкой свиданья!
Да прощанья от великой любви!
Прости... Да не забудь ты: в этот миг
Твои надежды — дружба родимая,
Свободу дружбы светлой да,
И любовь... Судьбы нашей и судьбы моей!
Пусть будущее светит тебе, как твой друг!

Личн. 9 июня 1917.

ского после строки «Души прекрасные порывы» идет строка многоточия. Многоточия, которые делал Белинский, можно объяснить только тем, что переписанный им текст он готовил для печати.

9. Будущая эпитафия («Здесь Пушкин погребен! Он с музой молодою!»). Стихотворение выписано Белинским из «Северной Звезды на 1829 г.». Ни в первое посмертное издание сочинений Пушкина, ни в анненковское издание оно не вошло.

10. К***** («В последний раз в тиши уединенья»). Стихотворение переписано Белинским с первопечатного текста в «Невском Зрителе» 1820 г., кн. 4, где оно было озаглавлено «Нюхельбекеру». Как известно, Пушкин впоследствии переработал это стихотворение, и под заглавием «Разлука» оно вошло в издание стихотворений Пушкина 1826 и 1829 гг. Текст второй редакции вошел в первое посмертное издание сочинений Пушкина (т. IV) и был перепечатан затем в анненковском издании. Белинский, следовательно, восстанавливал первую редакцию стихотворения.

11. Русскому Геснеру («Куда ты холоден и сух»). Стихотворение переписано Белинским с первопечатного текста в «Опыте русской анфологии» 1828 г. В собрание сочинений Пушкина стихотворение было впервые включено Анненковым.

12. «Там, где древний Качерговский». Эпиграмма переписана Белинским с первопечатного текста в «Московском Телеграфе» 1829 г., кн. 4. В собрание сочинений Пушкина эпиграмма была впервые включена Анненковым.

Перечисленными стихотворениями исчерпываются записи пушкинских текстов рукою Белинского. Было бы неправильным подходить к этим записям в плане сегодняшних интересов пушкинской текстологии. Для современных текстологических изучений Пушкина записи Белинского не дают нового материала. Значение этих записей в другом. Они расширяют и уточняют наши представления о том круге произведений Пушкина, который был известен Белинскому, во-первых. Они характеризуют интерес и пристальное внимание великого критика к вопросам разыскания и собирания пушкинских текстов, во-вторых. Недаром ведь заявлял Белинский о своем желании «чтоб не пропала ни одна строка Пушкина, и чтоб люди, которых он называл своими друзьями, или с которыми он действовал в одних журналах, или у которых в изданиях

когда-либо и что-либо помещал, — объявили о каждой строке, каждом слове ему принадлежащем». (Стр. 601).

Р. С. После написания настоящей заметки мы ознакомились со статьей Л. А. Фина «П. В. Анненков, первый издатель и биограф Пушкина» («А. С. Пушкин. 1837—1937. Сборник статей и материалов», Саратов, 1937, стр. 125—151). Публикуя в своей статье некоторые неизданные материалы из архива И. А. Шляпкина, непосредственно связанные с работами Анненкова над Пушкиным, Л. А. Фин обратил внимание на одну запись Анненкова в его черновой тетради, посвященной пушкинской прозе. Л. А. Фин сообщает: «Два места Анненковской тетради заняты перечислением старых журналов, в которых напечатаны некоторые статьи или отрывки из произведений Пушкина». Далее Л. А. Фин полностью приводит весь перечень, открывающийся записью «Краевского тетрадь». Судя по расположению этой строчки в середине страницы, Л. А. Фин заключает, что эта строчка является как бы заглавием всего перечня, опубликованного им в статье. «К сожалению, — пишет Л. А. Фин — в литературе никаких указаний на существование тетради Краевского нам найти не удалось. Не исключена возможность, что Краевский, тесно связанный с литераторами 40-х годов, издатель крупных журналов, сам журналист, мог собирать какие-то материалы о Пушкине и что этими материалами он поделился с Анненковым. Но, конечно, это только гипотеза. Может быть в еще неопубликованной переписке братьев Анненковых, хранящейся в Музее Русской Литературы в Ленинграде, и найдется какой-нибудь ключ к этим словам, а вместе с тем найдутся и какие-нибудь неизвестные материалы о Пушкине». Мы полагаем, что ключ к фразе Анненкова «Краевского тетрадь» может считаться найденным. Рукописная тетрадь, из которой мы извлекли записи текстов Пушкина рукою Белинского, и есть та самая тетрадь, о существовании которой не знал Л. А. Фин. Перечень первопечатных текстов критической прозы Пушкина, написанный Анненковым и опубликованный Л. А. Финном, является не чем иным, как оглавлением тех именно текстов пушкинской критической прозы, которые были переписаны в тетради. Поскольку данная тетрадь обозначена Анненковым как «тетрадь Краевского», постольку предположение, высказанное нами, что эта тетрадь заполнялась в редакции «Отечественных Записок», — получает очевидное подтверждение.

В. Я. БРЮСОВ В РАБОТЕ НАД ПУШКИНЫМ

Публикация Н. Л. Степанова

Среди обширной переписки В. Я. Брюсова с С. А. Венгеровым, включающей 167 писем Брюсова, свыше трети писем посвящены работе его над Пушкиным. Эти письма представляют интерес не только как характеристика исключительной тщательности, добросовестности и широты размаха работы Брюсова над текстами произведений Пушкина, статьями и комментариями к ним, но и дают много интересных оценок пушкинского творчества и прежде всего раскрывают то огромное значение, которое имел Пушкин для самого Брюсова. Пушкин стоял в центре творческих интересов Брюсова с самого начала его писательского пути. В одном из своих поздних высказываний о Пушкине Брюсов писал: «С ранней юности сочинения Пушкина — мое самое любимое чтение. Я читаю и перечитываю Пушкина, его стихи, его прозу, его письма, в разных изданиях, какие только мог получить для своей библиотеки. Читаю я обычно с карандашом в руках и люблю делать пометки и записи в своих книгах».¹

В письме 1904 г. к И. Л. Щеглову-Леонтьеву Брюсов говорит о своем восторге перед Пушкиным: «у нас всегда останется общим — восторг и преклонение пред божественной поэзией Пушкина, пред ее чистыми красками и чистыми звуками. Моя поэзия родилась от Пушкинской в той же мере, как мы родились в раю; все мы — дети первой эдемской четы!»² Это преклонение перед Пушкиным и глубокая любовь к нему чувствуется во всех работах Брюсова о Пушкине и во всех публикуемых здесь письмах. В. Брюсов не только высоко ценил гениальное творчество Пушкина и внимательно прислушивался к нему как художник, но и являлся одним из видных исследователей Пушкина, внимательно и плодотворно изучая творчество Пушкина в течение всей своей жизни.

Первая работа Брюсова о Пушкине («Что дает академическое издание сочинений Пушкина») появилась в самом начале писательского пути Брюсова, в 1899 г. («Русск. Архив», XII, стр. 618), — последней была незаконченная статья «Пушкин как революционный поэт», начатая Брюсовым незадолго до смерти. Уже это сопоставление тем, которыми замыкается круг брю-

совского изучения Пушкина, указывает на широту подхода Брюсова к Пушкину, на разносторонность тех вопросов, которые интересовали и волновали его не только как поэта, но и как исследователя-пушкиниста.

Брюсов выступал в качестве исследователя-пушкиниста на разных участках пушкиноведения: с текстологическими и биографическими работами, с историко-литературными статьями и исследованиями стихотворной техники Пушкина. В библиографии «Пушкинских работ В. Я. Брюсова», составленной Н. Пиксановым (см. сб. В. Брюсов, «Мой Пушкин», ГИЗ, М., 1929, стр. 309—317), зарегистрировано 82 номера напечатанных в разное время (с 1899 по 1923 г.) пушкиноведческих работ, статей, рецензий и заметок Брюсова, не считая незаконченных, сохранившихся в черновых рукописях. Из числа этих работ наиболее значительными являются: «Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством «Скорпион». Редакция и примечания Валерия Брюсова, М., 1903; «Из жизни Пушкина» («Новый Путь», 1903, кн. VI); «Лицейские стихи Пушкина», М., 1907; «Первая любовь Пушкина»; Пушкин. Соч., под ред. С. Венгерова, т. I, СПб., 1907; «Пушкин в Крыму», там же, т. II; «Домик в Коломне», там же, т. III; «Медный Всадник», там же, т. III; «Неоконченные повести <Пушкина> из русской жизни», там же, т. IV; «Египетские ночи», там же, т. IV; «Стихотворная техника Пушкина», там же, т. VI; «Гаврилиада», полный текст. Вступительная статья и критические примечания Валерия Брюсова, изд. 1-ое. «Альциона», М., 1910; то же, 2-е изд., М., 1919; первый том (лирика) «Полного собрания сочинений Пушкина со сводом вариантов и объяснительными примечаниями». Редакция, вступительные статьи и комментарии Валерия Брюсова. ГИЗ, М., 1919; «Пушкин и крепостное право» («Печать и Революция», 1922, кн. 2); «Звукопись Пушкина», там же, 1923, кн. 2; «Пушкиноведение в 1922 и 1923 году», там же, 1923, кн. 2; «Пушкин-мастер» («Пушкин», сб. I. Пушкинские комиссии Общ. люб. рос. слов., М. 1924); «Пророк», анализ стихотворения (В. Брюсов, «Мой Пушкин», ГИЗ, М., 1929). Большинство этих работ Брю-

¹ «Marginalia Puschkiniana». «Русск. Архив», 1916, № 4.

² Неизданное письмо из архива Института литературы Акад. Наук СССР.

сова о Пушкине объединено в вышедшем уже после его смерти сборнике «Мой Пушкин», под редакцией Н. К. Пиксанова (ГИЗ, М.—Л., 1929).

Из работ В. Я. Брюсова в области пушкинской текстологии следует в первую очередь отметить его статью «Что дает академическое издание сочинений Пушкина» («Русск. Архив», 1899 г., XII), содержащую развернутую критику первого тома академического издания сочинений Пушкина, и в особенности его книгу «Лицейские стихи Пушкина» (М., 1907), в которой Брюсов выступает как внимательный текстолог. В своих текстологических работах Брюсов один из первых убедительно доказал порочность и непоследовательность текстологической работы Л. Н. Майнова в I томе академического издания. Как текстолог Брюсов дал впервые в полном виде «Гаврилиаду» и проделал значительную работу над текстами «Медного Всадника» и «Русалки». Большая работа по пересмотру текста лицейских стихов академического издания, которую произвел Брюсов, была однако лишь частично реализована в издании сочинений Пушкина Брокгауз-Ефрона под редакцией С. А. Венгерова. Компромиссное разрешение вопроса о пушкинских текстах редактором издания С. А. Венгерова приводило в ряде случаев к несовпадению текста и комментария, подготовленного В. Брюсовым. В одном из своих писем к С. А. Венгеру (от 25 мая 1907 г.) Брюсов жалуется на эти противоречия между текстом и комментарием, произошедшие из-за отказа С. А. Венгерова от подготовленного им текста: «Совсем плохо обстоит дело с „Моим завещанием друзьям“, — сетует Брюсов. — Вместо моего, своевременно Вам доставленного мною, текста, Вы напечатали текст Акад. изд. И вот между текстом стихотворения (стр. 267) и моими примечаниями (стр. 276) оказалось неустранимое противоречие».

Помимо работы текстолога Брюсов дал целый ряд интересных статей о творчестве Пушкина, стоявших на уровне тогдашней науки.

В своей известной книге о Гоголе «Испепеленный» В. Я. Брюсов поставил вопрос об отношениях Пушкина и Гоголя; в работе о «Медном Всаднике» им дана характеристика этого замечательнейшего произведения Пушкина. Особенно большое внимание Брюсов уделил изучению стихотворной техники Пушкина, дав в сущности впервые характеристику пушкинского ритма, метрики, рифмы, звукописи (см. статью «Стихотворная техника Пушкина», «Звукопись Пушкина», «Левизна Пушкина в рифмах», «Пушкин — мастер» — статьи эти собраны в сборнике В. Я. Брюсова «Мой Пушкин», М.—Л., 1929).

В работе Брюсова над Пушкиным прежде всего следует отметить сочетание научности

и квалифицированности ее с очень «своим», личным отношением к творчеству Пушкина. Это отношение определяло не только выбор тем, но в известной мере и самые методы работы Брюсова над Пушкиным.

Для Брюсова доминирующую роль играло эстетическое ощущение и понимание Пушкина. Это сказалось как в его подходе к пушкинским текстам, так и в тех его статьях, где личное поэтическое ощущение произведений Пушкина, их эстетическая оценка занимают весьма значительное место.

Значение пушкиноведческих работ Брюсова в достаточной мере полно обрисовано М. А. Цявловским в его статье «Брюсов-пушкинист» («Валерию Брюсову», сборник, М., 1924, стр. 31—37). Перечислив разнообразную работу В. Я. Брюсова над текстами, биографией, стихосложением и историко-литературными вопросами изучения Пушкина, М. А. Цявловский указывает, что основными качествами работы Брюсова над Пушкиным были «острота поэтического восприятия и математическая точность наблюдения». Эти качества Брюсова-пушкиноведа особенно наглядно раскрываются в его письмах к С. А. Венгеру, показывающих тщательность и точность работы Брюсова над его любимым поэтом.

С С. А. Венгеровым Брюсова связывали деловые и издательские отношения. В 1904 г. Брюсов был приглашен Венгеровым к участию в издании Байрона как переводчик ряда стихотворений, с этого времени и начинается деловой контакт, продолжавшийся до самой смерти С. А. Венгерова в 1921 г. С. А. Венгеров постоянно привлекает Брюсова ко всем тем начинаниям и изданиям, во главе которых он стоял в качестве организатора или редактора.

Хотя в большинстве случаев те конкретные соображения, наблюдения и текстологические разыскания, о которых сообщает В. Я. Брюсов в своих письмах к С. А. Венгеру, были им же высказаны и реализованы в его статьях о Пушкине или в комментариях к нему, — письма не теряют своего интереса, дополняя общий облик Брюсова-пушкиниста, передавая его отношение как поэта и ученого к Пушкину. Многие из конкретных наблюдений и разысканий Брюсова в настоящее время уже или вошло в основной фонд пушкиноведения, или уточнено и пересмотрено в свете позднейших открытий и исследований. Однако самое отношение Брюсова к Пушкину, его большая работа, его благоговейное преклонение перед гением Пушкина, которые с такой отчетливостью и полнотой рисуются этими письмами, — весьма поучительны и для новых кадров исследователей Пушкина.